

среди всех людей, но особенно среди тех самых варваров» (Bell. Goth., III, 40, §§ 5—6). И в последующие годы царствования императора Юстиниана главной функцией стратига Фракии (не провинции, а диоцеза Фракии) была охрана береговой границы по Истру от нашествий антов и склавен. Успеха в этом трудном деле достиг стратиг Фракии Хилбудий, отражавший варваров в течение трех лет — 531—534 гг. — у переправ через Дунай; однако когда Хилбудий погиб и организованное им сопротивление со стороны империи нарушилось, «та река навсегда стала открытой для перехода варваров по любому их желанию. владения же ромеев оказались легко доступными (для врага)» — *καὶ τὸ λοιπὸν ὁ τε ποταμὸς ἐκβατὸς ἀεὶ τοῖς βαρβάροις κατ' ἐξουσίαν καὶ τὰ Ῥωμαίων πράγματα εὐέφοδα γέγονε.* (Bell. Goth. III, 14, § 6).

Византия не могла не считаться с антами и пыталась обезопасить их, прибегая к искусству своей дипломатии. В 545 г. Юстиниан направил к ним посольство, предлагая город, землю, деньги за мир и защиту империи от гуннов (собственно же и от них самих, антов). Но последние настолько чувствовали свою силу, что не нашли нужным согласиться на предложенные им условия, поняв невыгодные для себя цели византийских дипломатов. Как крупнейшее племя сами анты также посылали послов, хотя и не всегда успешно заканчивавших свою миссию, если судить, например, по судьбе антского посла Межамира к аварам (Menandri fr. 6).

Только очень сильные отряды, какие посылались антами (и склавенами) за Истр, могли уводить такое количество пленников, как это описывается Прокопием (например, более 200 тысяч уведенных в рабство ромеев; Anecd., 18, § 21) или Менандром (fr. 6). Только крупные набеги могли сопровождаться такими опустошениями и грабежами, о каких пишет, например, Прокопий, многократно употребляя выражение *ἀήκιστα ἔργα* — «невыносимые бедствия». Типична его запись об одном из антских нападений на Фракию в 40-х годах VI в.: «В то время анты обрушились на земли Фракии и многих из тамошних ромеев ограбили и обратили в рабство. Они их угнали и вернулись к себе на родину» (Bell. Goth., III, 14, §§ 11—12). Характерен здесь глагол *ἐπισκήπτω* — тяжело, стихийно обрушиваться, безудержно набрасываться.

Темпы передвижения антов, как и склавен, не могли быть приравнены к скорости переходов, которые делали кочевники на конях. Следовательно, славянские племена жили гораздо ближе к объектам своих непрерывных нападений, чем легко перемещавшиеся степняки — наездники, и потому поселения антов и склавен, находились, надо думать, в небольшом количестве в соответственных районах дунайского левобережья. Это ничуть не исключает и более широкого ареала распространения антов — в частности на восток, в сторону Приднепровья. Византийские писатели говорят не только о «*χώραις*» и «*ἄγροις*», но о целой «земле антов» (*ἡ γῆ τῶν Ἄντων*, Menandri fr. 6), об их «родине», «родных областях» (*τὰ πατρία*, Bell. Goth., III, 14, § II); об антах и склавенах вместе Прокопий отзывается как о «народе» (в смысле большого племенного объединения, а не мелкого племени) *ὁ λαός* (= *λαός*, там же, III, 14, § 30).

Таким образом, едва ли можно утверждать, что анты распространялись лишь к востоку от Днестра, как сообщил Иордан, проявивший в данном месте своего труда стремление к чрезмерно точному проведению географических границ, что антов не было на северном берегу Дуная. Вернее предположение, что они не только смыкались по четкой линии Днестра со склавенами, но и проникали в области расселения последних, перемещаясь с ними по крайней мере в восточной части северного Подунавья.